

О стиле в проповеди

Истина Христова есть единственное вечное в изменчивом потоке времени. Поэтому христианство, а, следовательно, и православное христианство, не может иметь своего окончательного стиля, но облекается в культурный стиль эпохи, в свою очередь определяемой им. Это относится одинаково к церковному искусству, и православному быту и проповеди. Только литургия, как покров мистерии, с известного момента не подчиняется закону перемены. Стиль христианской древности (эллинистической), византийской, древнерусской церкви совершенно различен. Даже у нас стиль допетровской и послепетровской церкви глубоко разнятся между собой. Наиболее чутким к стилю эпохи является слово, обращенное не к верным, а к внешним: проповедь, катехитика, язык апологета-миссионера.

Апологеты ранней церкви, обращаясь к язычникам, говорили на языке философской культуры мира язычников. Миссионер, отправляясь на проповедь к дикарям, изучает их язык, нравы, обычаи, чтобы знать их сильные и слабые стороны, чтобы не оскорбить их, не скомпрометировать в глазах их святыни, которую он несет.

Культурный стиль эпохи – это ее язык. И мы призваны действовать в среде новых язычников, в среде новых культурных дикарей. Первое, что мы должны усвоить себе, это их язык. Язык их научных понятий, их художественных символов, общественных и правовых ценностей. И как миссионер старается в наивной символике дикаря угадать и раскрыть для него иные символы, адекватные вечной истине, так и современный апологет должен уметь связать символику культуры с символами христианства. Для того, чтобы побелить культуру, нужно знать ее. А зная ее, нельзя хоть немного не любить ее, как не может миссионер не любить души народа, которому он проповедует. Эта любовь исключает борьбы, не просветляет ее. Она отнимает у идолов дары не для того, чтобы уничтожить их, а чтобы посвятить Богу. В этой любовной борьбе с культурой будем остерегаться одной опасности, профанации святости. Нужно с величайшей осторожностью нести святые символы в толпу, которая не понимает их. Страшен не гнев ее, но глумление. «Смешное убивает» прежде

всего смеющегося. Нужно бояться церковнославянских слов, аскетических и догматических терминов в потоке современной литературной речи. Точнее, нужно подлинное искусство, чтобы найти место славянскому слову в русской речи. Только большие мастера слова – Пушкин, Вячеслав Иванов – обладают им. Чисток крепкое вино литургического слова в воде повседневной речи обращается в елей, елейность, которая у иных способна вызвать тошноту. Елейность противна во всяком языке, даже французском; в русском, где с ней связано воспоминание о северном семинарском анекдоте, она невыносима. Лучше будем поить людей, которые просят пить, простой, но чистой водой, в ожидании, когда им будет доступно литургическое вино.

Много пороков в современном человеке, но в одной добродетели нельзя отказать ему: в правдивости. В неверии и в вере он хочет быть беспощадно правдивым с самим собой, ему нестерпимы условности, умолчания, «благочестивая ложь». Меч Христов рассеивает начисто правду и ложь во всяком сердце, во всяком быте, во всяком создании человеческом. Христианство поэтому есть именно та пища, по которой наголодалось современное человечество. Поэтому стиль современного христианства не может не быть реалистическим. Сейчас *уже* или *еще* не время орнаментальных, декоративных форм. Современное даже безбожное искусство больше говорит религиозным потребностям страдальческой современной души, чем торжественный покой Византии. Сейчас грешно притуплять острие меча Христова или скрывать его в золоченых ножнах. Служитель слова в наши дни должен быть не искусным адвокатом, а мужественным борцом. Не беда сознаться в собственном неведении (наше неведение – дань уважения тайнам). Беда солгать, умолчать, скрыть свое незнание. Будем прямы, честны перед собою, честны перед противником, и Бог благословит наше оружие.

Г. Федотов

Париж